

Мария Мельникова
В случае жизни
стихотворения

Мария Михайловна Мельникова

В случае жизни. стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912929

ISBN 9785447486013

Аннотация

Помимо прочих странных вещей, я коллекционирую спонтанные отзывы на свои стихи. В числе моих любимых – «ой», «страшно» и «хорошая такая глючь совячья». Это моя вторая книга. Кроме сов и глюков, вы можете обнаружить в ней много снега, яблок и можжевельника, Мелюзину, загадочного зайца, подземного сома, нескольких чудовищ, которым сильно не повезло, и пару полезных советов по безопасному обращению с этими чудовищами.

Содержание

Игра в сапёра	5
1. Мир поймал меня	8
14	8
20	9
32	10
Аптекарский огород	11
Простота	12
Мир поймал меня	13
Август, птица и плод	14
Казанский вокзал	16
Урок	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**В случае жизни
стихотворения
Мария Михайловна
Мельникова**

© Мария Михайловна Мельникова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в сапёра

Обычные дети вырастают, становятся, как писала поэт Мария Степанова, «ответственными, наставленными, как парус», перелопачивают землю в поисках нефти, летают в космос и делают другие великие и необходимые дела.

Мы, дети книжные, не вырастаем никогда. Мы вырастаем из наших детских книг – и вырастаем в другие, взрослые. В наших головах шумят, сталкиваясь, слова – сталкеры из Стругацких. Кидают гайку на нитке, ведут куда-то, среди неведомых угроз и невидимых пришельцев – к непостижимой, сияющей истине, которой, как мы подозреваем, на самом деле не существует. По крайней мере – вовне. А внутри – наверное, есть.

Маша Мельникова – из этой, нашей, породы. «Детские люди» – придумал когда-то писатель словосочетание. «Детская оптика» – придумал другое словосочетание критик.

«Детское» здесь – не синоним слова «примитивное». Скорее – ранимое. Детство – печальное время. Все стрелы мира направлены в тебя, стоишь пародией на святого Себастьяна, только и успеваешь сшивать стежками слова, метафоры, синонимы, анжабмеманы – для защиты. Получается особенный мир. Он может показаться многословным, избыточным – но это многословие средневековой Европы, схоластов, диалогов Пипина с Алкуином, когда, утратив античную яс-

ность и определённость, ты стоишь перед огромным пространством и заполняешь его пустоты словами по очереди, пробуя – может, вот это подойдёт? А может – вот это?

Стихи Мельниковой порой напоминают мне переводы из английской поэзии абсурда. В текстах длинных это видно явственнее – там плетётся словесная вязь, в одной строке могут соседствовать несколько метафор, одна неожиданнее другой. В этой, второй, книжке автора появились и тексты иного рода, короткие, минималистские – но это всё равно особый, мельниковский минимализм: читая, удивляешься, как, оказывается, можно даже короткую зарисовку сделать настолько насыщенной и многозначной, что она на твоих глазах, во-первых, выпадает кристаллами, как перенасыщенный соляной раствор, во-вторых же – заставляет удивляться и спорить: да не может такого быть, где автор видел подобное и как он мог вообще такое помыслить?! Лично для меня именно такой внутренний спор, несогласие со сказанным, – и на уровне «что сказано», и на уровне «как», – признак состоявшейся поэтической книги. А вовсе не уютное ощущение, что перед тобой стихи, написанные привычными словами, поставленными в привычные сочетания и «как будто про тебя».

Мне кажется, у Маши Мельниковой получилась книжка на все времена года. В темные осенне-зимние дни она сгодится для чтения у окна в тёплом доме, куда пришёл продрогший, промолив ноги. Весной и летом её следует кинуть

в походную сумку, на самое дно, первой, смешать там с табачными и хлебными крошками и вынуть эту смесь на привале, у ручья, неожиданно, когда уже и позабыл, что она лежит там, в сумке. Но при этом ни на минуту не следует упустить из вида, что чтение её может быть одновременно спасительно, как панцирь, и опасно, как стрела внешнего мира, направленная в тебя. Или как детская игра в сапёра, перенесённая во взрослую, всамделишную жизнь:

«Лето кончается, все кончается, но игра
Сбегает с тонущего календаря
И вот тут встречает тебя – страшна, как вампира крик —
Не повзрослевшего ни на миг.»

Геннадий Каневский

1. Мир поймал меня

14

Змея, обвитая вокруг волчьей шеи.
Единорог, кусающий лилею.
Да, я сказать нормально не умею.
И за окном все черного чернее.
А вместо слов одни выходят звери.

20

Можешь из лука стрелять в своем собственном доме,
Можешь шататься по Дублину с мылом в кармане,
Можешь считать, засыпая, и путать Тезея с Ясоном —
Шепчет мне море, – все можешь ты, милый, все можешь,
Я же могу с тобой... ладно, не будем о грустном.
Хочешь ракушку красивую или я покажу тебе краба?

Бабочка, ты о двух или о четырех страницах?
Вот именно от такого у меня выпадают ресницы.

Аптекарский огород

Сиянье японского карпа в мутной осенней воде
Подсказывает: скорее всего, меня не оставят в беде.
Вопросы «а кто не оставит?» и «почему?» я подержу
во рту,
Пока не растают. Не надо спойлерить красоту.

Простота

Зайцем бешеным из-под куста
На меня взглянула Простота.

Зайчий коготь в палец мне длиной.
Мне бы не ходить в лесу одной,

Соблюдать бы мне хороший тон —
Только у меня в руке бидон,

И грибы зовут меня: «Идем!»
Горьким подосиновым огнем.

Мир поймал меня

Мир поймал меня и дал мне пизды.

И, довольный, ушел заниматься своими делами.

А я отряхнулась, поплакала и продолжила заниматься своими.

Мир кажется, был не особенно озабочен

Результатом, а я после чашки чая решила,

Что не буду я делать на этом акцент и вообще —

Что я буду его расстраивать? Делать мне нечего,

Кроме как множить рыдающих клоунов

В этом горелом цирке?

Так и живем, и живем...

Август, птица и плод

Выстирать пляжное полотенце, убрать скорей,
И пора уже думать, что мне дарить тебе,
Бедный мой месяц умирающих голубей
И бессмысленного городского сияния яблок в траве.

Это знание не достанется никому.
Или червям? Поэт, дай уже червям отдохнуть.
Это для человека, да и ему ни к чему.
Яблоки укладываются, чтобы уснуть

И проснуться, возможно, деревьями, но, скорее всего,
никем.

В парке плод не ценнее дерева, таков порядок вещей.
Город любит чужие истории, но не совсем,
А в определенное время года не любит вообще.

Вспышка июля – и снимки мастер унес с собой;
Август – месяц сомнительного литья из всего
Другого всего. Он готовится заполнять тобой
Форму прошедшего времени, если повезет – твоего.

А если не повезет, то не повезет – все равно замри.
Август, а ты не много ли просишь дарить?
Он отвечает: «Переверни меня и смотри».
Ты издеваешься? Я пытаюсь не наступить

На ужасное под ногами, путешествующее налегке,
Без-тела-по-серому-небу-асфальта-куда-нам-всем.
Трихомоноз это называется. Лист шелестит к ноге,
Отчетливо слышится слово «съем».

Каждый располагает тем, что всего неохотней гниет.
Крыльями, зернами. Как это будет со мной?
Медленно и некрасиво исчезают птица и плод,
Оставляя меня ухаживать за пустотой.

Ухаживать надо, поскольку это не волкодав.
Оно поднимает голову и смотрит на меня.
Я в ужасе и готовлюсь про кто из нас прав.
Чудище окончания лета настолько меньше меня.

Была и буду мертва, а сейчас – жива.
Смешно, и в парке косят траву, светофор погас,
Птица и плод с облегчением возвратились в слова,
Монстры нуждаются в нас.

Казанский вокзал

Дверца в рай размером сорочью гузку.

Проход в преисподнюю шириною с «если».

А я стою столбом и пытаюсь перевести на русский

Крик солнечного света на железнодорожных рельсах.

Урок

Урок закончится, и всем придется встать,
Собрать, закрыть, помыть, задвинуть стул,
И подойти, и предъявить училке
Все то, что получилось. Ой-ой-ой.
Училка непонятна и стара.
Ей сколько – сорок, сорок пять, пятьсот?
Как это скверно – не уметь считать
Нормально – и вообще не разбираться
В характере вот всех вот этих взрослых.
Откуда только все они взялись?
Одни, конечно, говорят – не злая,
Другие – что, конечно, очень злая,
А третьи – что вменяема вполне,
Но долго нелюбима мужиками,
И вот от этого и закидоны.
А как на самом деле – фиг поймешь,
Пока не станет безнадежно поздно.
Марьянна, пожалейте дураков!
Мы все тут жертвы одного аборта!
Мы хором с дуба рухнули на кактус!
У нас дневник похитили пришельцы,
А сменку изжевала чупакабра!
А жопа, из которой наши руки,
Застряла в параллельном измерении!
Никто не понял, что мы проходили!!!

А если честно, то никто не слушал,
А если вот прям супермегачестно,
То мы вели себя, как полные козлы,
Поскольку думали, что это все не надо.
Нам, правда же, никто не объяснил,
Что это – то, что есть на самом деле!
А может, объяснял, но мы забыли!
Причем, забыли, кажется, специально.
Марьванна, ну вы, правда, нас поймите!
Мы думали, что это просто школа!
Что это просто нужно для порядку —
Детей всем этим радостно помучить,
А после отпустить обратно в лес.
Ну не могло же это быть серьезно —
Все эти буквы, звери и фигуры,
Оценка, краски, ножницы и клей!
Мы думали вообще, что повзрослеем,
А там уже все будет по-другому.
А оказалось, – нет там ничего...
А то, что мы изжопными руками
При помощи ушибленных мозгов
И полного непонимания предмета

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.